

Наум Вайман
НОВАЯ ЭРА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Наум Вайман

Новая эра. Часть вторая

«Издательские решения»

Вайман Н.

Новая эра. Часть вторая / Н. Вайман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851387-9

Наум Вайман, известный писатель, поэт, журналист, переводчик и исследователь творчества Мандельштама, автора нашумевших книг «Ханаанские хроники» (ИНАПРЕСС, 2000), «Ямка, полная птичьих перьев» (НЛО, 2008), «Черное солнце Мандельштама» (Аграф, 2013), представляет третий том эпопеи «Ханаанские хроники» (второй том — «Щель обетованья» — был издан НЛО в 2013 году), интимный и интеллектуальный дневник за 2000—2001 год. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-851387-9

© Вайман Н.

© Издательские решения

Содержание

Новая эра	6
Часть вторая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Новая эра Часть вторая

Наум Вайман

Иллюстратор Михаил Яковлевич Гробман

© Наум Вайман, 2019

© Михаил Яковлевич Гробман, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4485-1387-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новая эра Третий том «Ханаанских хроник»

Часть вторая

2.1.2001. «Сибирский цирюльник» – сусально-патриотическая слизь. С трудом досмотрел до середины. И Сам в роли царя на лошади – апохуёз. («Красная попона», флигель-адъютанты, жопы, как арбузы, все они поэты, все они красавцы, потные рейтузы.) Зря царю черные очки не надел, Никитушка.

Матвей, привет!

Вся моя ярость перекипела. Евреи ведут себя настолько позорно, что нет сил даже думать об этом. На все теракты министры и генералы отвечают стереотипно: «нет военного решения, все равно в конце-концов с ними же сядем за стол переговоров». Из чего следует – сопротивление бесполезно. В народе нарастает озлобление, апатия, депрессия. А Барак и «левые» закусил удила... Ко всему еще примешивается глухое, но настойчивое беспокойство и за сына (его армейская «карьера» не складывается), и за всех и за всё...

А ты говоришь – Розанов, антисемитизм... Там, где ты «стоишь», позорно быть антисемитом, но там где я «стою» – позорно быть евреем. Евреи бремени ответственности за свою судьбу не выдерживают.

Наум

3.1. Наум, привет!

Новое тысячелетие не сулит, видимо, покоя «многострадальной израильской земле». Меня, конечно, тоже угнетает ситуация (сильнее, чем можно было бы ожидать), и остается только догадываться, каково вам трепыхаться на этой горячей сковородке. Неужели «чаши еврейских страданий» еще не «переполнена»? Если евреи действительно «несут бремя ответственности» не совсем так, как хотелось бы, то все равно непонятно, почему с них такой повышенный спрос...

Всегда твой

Матвей

4.1. «В пустыне не остается следов. Ветер задувает их, как свечи». (Из «Бальтасара» Даррелла.)

Бараш позвонил. Книжку его в Москве мурыжат. Потому что он вроде «из ближнего круга», но «дальнего зарубежья». Хочет, чтоб я почитал его «Московские записки».

Барашу

Значит так. Проза хорошая, читал с интересом. Если бы еще «подтянуть» (или даже сократить!) менее интересные или бледные места (в основном в начале, ты постепенно «расписался»), то потянет на «конфетку». Зачастую непонятны игры со знаком тире. Последний отрывок дидактический, а вот предпоследний – поэтический, я бы и сделал его последним.

Детальные комментарии – см. в тексте, в скобках. И не обижайся на лапидарность, чего нам, как Винокур любит говорить, «жопу мять».

Какая-то местная дура пела «мело-мело по всей земле...» Мело-мело, как помело.

Кто я, что я..., рыцарь печального органа...

... – Я так соскучилась... Ужасно... А ему хорошо?

– Очень хорошо...

– А ему хорошо, потому что тебе хорошо? ... Я тебя не ласкаю, я себя ласкаю тобой (крепко обнимая). ... Посмотри... (надув губки и жалуясь, показывает синяки на руках). Он меня побил...

– Кто?!

– Любовник...

– Мики что ль?

Кивнула.

– А что случилось?

– Ничего не случилось. Нет, ну не побил, конечно..., схватил за руки... Недостаточно уделяю... Нет, не ревнует. Просто плохо ему, я его понимаю.

– Понимаешь?! А по-моему давно пора с ним завязывать, еще когда он к тебе в школу примчался. Он не умеет себя вести, права качает, подставляет тебя, ты как эти синяки объясняла? Что, не спросили откуда?

– Спросили. Сказала «не знаю».

– «Не знаю». Опасно с ним дело иметь, он истеричка.

– Чего опасно? Убьет что ль?

– Да не в этом дело...

– Алевой!¹ Если бы меня убили из-за любви! Чем помирать, слюни пуская от старческого маразма... А ты разве не хочешь, чтоб я тебя убила из-за любви?

– Нет.

– Хочешь умереть глубоким стариком, вонючий и засранный? В большом памперсе, ха-ха-ха?

– Ага.

– Жадный ты. ... Ты мой родной... Я чувствую, что люблю тебя... Ты боишься, что я тебя полюблю?

– Нет.

– Ты же мне говорил, что боишься любви?

– В общем, да.

– А чего бояться?

– Любовь разрушает.

– Что?

– Ну..., обыденную жизнь..

– Это обыденная жизнь разрушает. ... Ты такой потный... дай в тебе искупаюсь... ...

Скажи мне «я тебя люблю». Ну скажи. Еще раз скажи. Еще. Правда? ... У меня была подруга, у нас в школе работала, красивая была женщина, с мужем развелась, детей у них не было, а она была из очень аристократической семьи, случайно уцелевшей, чуть ли не графиня, их три сестры было, и они в глушь уехали и так выжили, родители, конечно, погибли, а они жили, как три сестры Чехова, все мечтали выбраться, но, повыходили замуж..., и вот она поехала к сестре, дней на десять, а сестра как раз куда-то уехала, и муж сестры ее в первую же ночь изнасиловал. Она мне рассказывала, что это было ужасно, отвратительно. И что самое интересное, и она никак не могла это понять и простить себе, что она сразу не собралась и не уехала, а осталась,

¹ Дай-то Бог (ивр)

и так и прожила с ним все десять дней, и вдобавок еще забеременела, и когда аборт делала, я к ней в больницу ходила...

5.1. Давыдову: Данила, здравствуйте!

Мы с Вами познакомились в 97-ом, когда я был в Москве, в клубе Тани Михайловской. Вы мне даже преподнесли свой сборник «Кузнечик», который мне очень понравился, и я рад, что наконец представился случай сказать Вам об этом. Кстати, Вам, наверное, известно, что Николай Кононов написал роман «Похороны кузнечика» (читали?)...

Однако, – к делу. А. Бараи дал мне Ваш адрес и сказал, что Вы интересуетесь поэтессой Анной Горенко, очень талантливой, но, надо полагать, малоизвестной в России. У меня есть замечательная книга моего приятеля Володи Тарасова «Анечка». Если Вам интересно, могу Вам послать, только сообщите адрес.

Кстати, если у Вас нет моей книги «Ханаанские хроники», то я Вам с удовольствием ее пришлю.

Всегда Ваш

Наум

Вера в Бога надмирного – это бегство из реального мира, бегство от невозможности выжить в нем, противостоять ему, а бегство – всегда от слабости. Евреи всегда бросают родину и убегают «за лучшей жизнью». Евреи всегда «в бегах». Иудейский монотеизм – это бегство от мира, глобальное и бесповоротное. Мы народ беженцев, и тема Исхода – основной мотив еврейского бытия и еврейской истории. Потому что в нашей культуре нет героизма. И пока не посмотрим этой правде в глаза, пока не станем народом-воином, пока не возненавидим «передышки» и не возлюбим войну, – так и останемся «вечными жидами».

Но с другой стороны, разве льву мертвому лучше чем псу живому? Ведь бегство от этого мира – начало строительства другого, нового. Это как вытаскивание себя за волосы, из омута небытия...

7.1.2001. От Зуса: *ТЕТЯ ЛИЗА СКОНЧАЛАСЬ*

церемония прощания 8 января понедельник 9 утра

морг больницы 33 (Остроумовская)

Миша Хрюков is a caretaker

z.

Тетя Лиза не дожидла две недели до 80-летия

Зус, спасибо, что сообщил. Пусть земля будет ей пухом. Ее кремируют? Где похоронят? Ты будешь на похоронах?

Дяде Мише привет, если увидишь

Наум

От Л: *Давай записки*

Весело убежать от снежной бури на юг, когда черные строгие деревья в белоснежных цилиндрах и кашне переоблачаются в нахальные пальмы, а чернильную щель заката царапает раскаленная головка солнца чтобы поджечь окна встречных машин и растопить заиндевелое молчанием изнутри.

Сама придумала?

Здравствуй, Наум!

Спасибо за столь высокую (незаслуженно, полагаю) оценку моих давних текстов (признаться, я давно отошел от той стилистики, в которой написан «Кузнечик», если Вам интересно то, что я делаю сейчас, то многое можно найти на сайте «Вавилон»).

Кононовский роман я читал, он очень хорош, хотя, по-моему, несколько слабее Колиных стихов.

По поводу Горенко и Вашей книги: я был бы чрезвычайно признателен, если бы Вы прислали мне их (тем более, я давно хотел писать большое эссе об Анечке). К сожалению, в данный момент я переезжаю на другую квартиру и опасаясь давать старый адрес; в самое ближайшее время я переishлю новый (или же какой-либо абонентский ящик, которым я смогу воспользоваться).

Еще раз спасибо. С Новым годом!

Ваши

Данила Давыдов

8.1. Поехали с Р в Иерусалим, на авангардистов, коллекция Артуро Шварца.

– Что в субботу делал?

– В лес ездили, грибы собирали. Полно. Мужики? Как всегда, сексуально озабочены. Г. вдруг распоясавшись, напавшись винца, обещал телефончик одного «приличного места», там, говорит, хорошие девочки.

– Не пойму я все-таки, как это к проституткам ходят? Вот я пытаюсь себе представить, «пойти к мальчишкам», кажется у меня не встал бы. Нет, ноги-то раздвинуть можно, но почувствовать...

– А так, на улице встретить? Какая разница?

– Ну, тут неожиданность... А запланировать, прийти, выбрать – нет, не пойму.

Равнодушно шлепая мимо всей этой «классики» (Миро, Танги, Дали и др.) На обратном пути торчали в пробках. Разыгралась:

– А ты можешь машину вести, если я тебя буду трогать? А кончить во время езды можешь?

От Л:

мой любимый писатель когда-то говорил мне, что поэтами рождаются...

Так-то оно так, родиться надо, однако это условие необходимое, но не достаточное...

9.1. В Иерусалиме была огромная демонстрация, несколько сот тысяч протестовало против «уступок». Кто-то назвал ее «похоронами государства».

Поехал к Гробманам отвозить «Записки эмиссара». У них пожилая дама, оказалось – жена директора Тель-Авивского музея. Говорит по-русски с акцентом. Гробман лихо матюкался. Написал воззвание, типа «пробудися народ». «Выходцам из». Встанем грудями на защиту Стены Плача. Арабы обнаглели, Стену Плача хотят отнять. Поливали очередной номер «Солнечного сплетения». Ира:

– Ты видел? Ну это просто смех. Посмотри, что они тут насобирали, литературный мусор. Некогда невозможно читать, детский сад. И Лена² тоже, крик души, о том как она квартиру покупала, машканты всякие, ужас какой-то.

Гробман:

² Елена Толстая

– Ну давай, расскажи какую-нибудь сплетню. Кто с кем спит, я это люблю. Ты учти, не будешь сплетни рассказывать, больше тебя в дом не пустим (Ира неловко хихикает: хозяин чудит). Ну что значит нигде не бываешь, я тоже нигде не бываю, но все про всех знаю. Да, это верно, мы в центре, мы живем очень интересной жизнью, к нам все стекается. Вот сейчас придет художник Л. Из Кельна. Он приехал воевать с арабами.

Поинтересовались, что пишу. Говорю: про героизм.

Гробман:

– Вот про меня и пиши, я жену свою люблю – это настоящий героизм. И живу с ней уже сколько лет – героизм! (Ира хихикает: хозяин совсем раздухарился.)

Пришел художник Л.

Алла у ахбар!³

Гробман:

– Алейкум салям.

Художник:

– Алла у ахбар!

11.1. От Л:

я тут решила почистить свой inbox и стало жалко стирать письма А.. Захотелось показать тебе, как когда-то...

Date: Tue, 12 Sep 2000 16:05:17

Никогда не спрашивай «помню ли я?» Я помню потолок в том пансионе. У лепного ангела над моей головой было отломано левое крыло. А над плафоном было три трещины. Как я хотел обнять тебя в ту ночь. Как никого и никогда в жизни.

Date: Thu, 21 Sep 2000 19:21:50

Поверь мне на слово, ничего в мире не стоит любви. (прости за пошлость) Но чем дольше живу, тем больше в этом убеждаюсь. Впрочем, это нужно испытать. И если тебе выпадет это, ты поймешь, что имел в виду этот вечно не взрослеющий идиот.

Date: Wed, 27 Sep 2000 11:29:18

Если ты помнишь, я когда-то говорил тебе, в чем твоя уникальность для меня. Первое это то, что у тебя нет косточки там, где у всех она есть, второе, и самое главное, это то, что у тебя есть маленький насосик. Так вот, каждый раз я умирал в тебе, так со мной никогда не было. Каждый раз была такая звенящая пустота внутри, как будто меня нет. И только очень постепенно Бог возвращал мою душу. Это была самая настоящая смерть и возрождение. Мне трудно передать это чувство словами.

Date: Mon, 16 Oct 2000 15:24:46 CDT

Мы как всегда говорим про разные вещи. Душа умирает и возрождается, когда попадает ПРАВИЛЬНАЯ женщина. Во всех других случаях она умирает безвозвратно. А потом остается пустота, которая зовется одиночеством. Это как болячка, которая начинает затягиваться, все время хочется сковырнуть, но всегда не знаешь, когда уже можно и всегда делаешь это не вовремя. Образуется ранка и все начинается сначала.

Date: Tue, 17 Oct 2000 18:40:20 CDT

Какая путаница у тебя в голове. Как мне жаль. Какое к черту творчество. Не нужно прятаться за ним. Это только в юности понималось: «И умирать из века в век на голубых руках мольбертов». Мы старые, но не мудры.

Спасибо за письма А. Прочитал с понятным интересом. Судя по первому письму, он любил позу «дама сверху». А где твои ответные? Я бы прочитал с еще большим интересом.

³ Аллах –мышь. Тут игра слов: акбар – великий, а ахбар на иврите – мышь.

От Зуса

я предложил ей еврейский обряд и связался с Авраамом из синагоги, он звонил, однако она не пожелала видеть у себя датшим⁴ из Марьиной Роуи и вообще резонно сомневалась в значимости для себя

но вся церемония была хуже чем я думал

кроме того и мама, и (предполагаю со слов мамы) Мила были против ее захоронения рядом с дедом

я надеюсь что Мила выдаст документы на ее урну рядом с урнами бабушки Белы и тети Сони

Миша Хрюков говорил о тебе

он склоняется к еврейству и даже зарегистрировался в общине, вспомнил, что писал тебе о визите своем в Израиль и добавил, что он хотел увидеть тебя во время своей поездки

Зус, спасибо за подробности. От Миши Х. никаких писем или других известий я не получал

Чем ты занят в Москве?

12.1. От Зуса: *Я писал тебе об Акунине*

сегодня иду слушать поэта Лен

пригласил Ахметьев

Поэта Лен кажется зовут Слава, вроде он живет на Западе?

А если ты с Ваней Ахметьевым, то передай ему привет. А Хрюков был в Израиле или собирается?

В любом случае можешь дать ему мой e-mail и телефон.

Жена холодна. Уже давно. Не проявляет «инициативу» (абсолютно), «реагирует» вяло, «принимает» как вынужденную необходимость. Когда «подает позывные», то все время кажется, что играет. Объяснять это возрастом, заботами – глупо. Казалось бы, вывод однозначный: кто-то есть, там и «интерес», и «сексуальное удовлетворение» и прочее. Я уж так про себя и решил. Но возникают недоумения. Почему не скрывает холодность показной активностью? Уже на все наплевать? Мстит? Глупа? А где рикошет от возбуждения на стороне? Я так иной раз, полностью выложившись с Р, еще прихожу домой и с неожиданной для самого себя «злостью»...

Наша сексуальная жизнь всегда была бледна. По идее она вообще давно должна была меня бросить. То что этого до сих пор не произошло нельзя объяснить только любовью к «дому», присущей «ракам». Может она вообще сексуально слаборазвита и даже не осознает этого? А значит, не было у нее такого любовника, который разбудил бы в ней женщину? Ведь и я только теперь вижу, что сексуально она не «та женщина», которая мне нужна. Да я никогда и не любил ее, только злился на свою беспомощность. Ведь с Л все гораздо (несравненно) лучше. А с Р так и вовсе сказочно...

14.1. Володя звонил. Вернулся из Европы. Виделся в Париже с Хвостом, в Тюбингене с Волохонским. Цветков на его «призыв» не отреагировал, а в Вене у Бренера он провел шесть дней. За пять часов до отлета Бренер его выгнал, сказал: «Уебывай из этого дома».

⁴ Религиозных (ивр.)

– Вот именно так и сказал. Не знаю, они меня так хорошо приняли, но через пару дней я стал чувствовать с его стороны какое-то раздражение, недоброжелательство. А в последний день они сели завтракать, они всегда садились без меня, я вставал поздно и завтракал один, а тут они, видимо, решили меня подождать, а я же не знал, пошел мыться, принял душ, слышу, он мне кричит: «Ты скоро?», ну я подумал, что ему ванна нужна, ну подождет, чего, стал зубы чистить, а он вдруг в дверь заколотил, заорал чего-то, он же псих, а у меня паста во рту застряла, я даже сразу не мог ответить, а он убежал, ну, в общем, когда я вышел, он мне и сказал: «Уебывай из этого дома». Мог и подождать еще пару часов... Они теперь рисуют, какие-то похабные рисунки, но вроде зарабатывают этим..., раньше ее отец их содержал, а он недавно покончил с собой...

Матвей, привет!

У меня возникла мысль послать книгу Дугину («националисту»), но не знаю его адреса. Ты не сталкивался? И еще у меня вопрос: как по латыни «Человек спасающийся» (типа «Homo ludens», «Homo pecans» и т.д.)?

Всегда твой

Наум

От Макарова-Кроткова:

Наум, привет!

У меня тут возникла несколько безумная идея. Я хочу сделать книжечку из одного стихотворения, переведенного на разные языки. Ну а если книгу издать не удастся, то хотя бы устроить акцию с чтением этого стихотворения.

И у меня к тебе огромная просьба. Не мог бы ты перевести на иврит вот такой мой стишок:

СТИХИ ДЛЯ КОШКИ

Кис-кис-кис

Кыш-кыш-кыш

Буду тебе очень признателен. Сааша

Дорогой Николай!

Что-то я соскучился по вашим язвительным письмам. Как там погода в Питере?

А у нас «европейское» лето: воздух и вода – 19 градусов, и солнечно. Дожди бастуют.

Наум

Р выглядит устало.

– Как дела? – спрашиваю.

– Да... так. А у тебя?

– Нормально. Ты плохо себя чувствуешь?

– Не очень, я сегодня на работу не пошла, хотя голос уже вернулся. И не спала уже несколько ночей...

– Чего?

– Не знаю...

Когда вошли в номер, упала на кровать:

– Тебе придется потрудиться, чтоб меня расшевелить.

– Эти труды мне по душе...

Так раскочегарились, что когда кончил, она резко спихнула меня с себя. Обычно еще долго любит понежиться, помурлыкать... Лежит отрешенная, с закрытыми глазами, тяжело дышит. Только через минуту пришла в себя. Притулившись к плечу, улыбнулась.

– Ух, какой ты... Со мной еще не было, чтоб я попросила пощады... Почему ты мне не попался тридцать пять лет назад?

– Тридцать пять лет назад? Когда мне было восемнадцать? Я бы тебе не понравился.

– Ты?! ... А ты знаешь, я думала о том, что ты мне рассказал о злоключениях своей юности... Мне кажется, что я бы тебя вылечила.

– Да ты бы из меня человека сделала. Я прожил бы совершенно другую жизнь...

– Я всегда любила, когда кончают быстро и много... А ты можешь раз пять-семь?

– Пять... может быть, но... – я покачал головой.

– Что?

– Придется уползать на четвереньках.

– Ерунда. ... А сегодня еще будешь с женой?

– Не знаю...

– Не надо, прошу тебя... Я не хочу... Ну хотя бы завтра утром, обещаешь?

16.1

От Л:

а ты мои письма переписал, или только сжег? Если будут еще письма, пошлю, но не предвидятся. С тех пор больше не было. А почему не комментируешь? У мамы есть целый чемодан с письмами А.

Ну что, человек культурный, все цитирует... «Насосики», хм... А ты тоже чувствовала, что он «твой мужчина»? Какая у вас была «степень синхронизации»?

И почему «между вами все кончено»? (Если между вами все кончено, значит между вами все было?) В смысле писем?

Я сжег только те, что переписал, но большинство осталось. А то, что переписал (давно) – на другой, старой программе и надо переводить на новую. Но не соберусь никак, нет времени.

18.1. Собрание в подвале кафе «Осло». Человек тридцать. Старая гвардия. Собрание ведет Аарон Амир. Рядом с ним (вроде призидиума) редактор «Геликона», тоже Амир, выглядит разбитным местным жидком. Прочитал его письмо в «Хаарец» насчет иврим – жуткий невежда. Из знаменитостей проф. Бен Порат, но быстро ушел. В углу группа чудиков с Хевронского нагорья призвала к революции, провозглашению в горах государства Иудея и к войне со всем миром (тут Порат и ушел). Но Аарон, похоже, видит в них воплощение идеи «иврим», сильно к ней привязан. Еще одна попытка «отменить евреев», только с другой стороны. Впрочем, может сойти за товарный знак.

Попросил меня выступить, от имени русской алии. Пришлось его разочаровать: надо думать, говорю, не о том, как создать новую нацию, да еще привлекая в свои ряды арабов, а как сохранить старую. Впрочем, говорю, в арабах-то я уверен, они на эту идею никогда не клюнут. Тут посыпались рассказы ветеранов об арабо-еврейской дружбе. Один крепкий старикан вспомнил, как в двадцатые годы играл в футбол с арабскими пацанами на пустыре между Тель-Авивом и Яффой (это была нейтральная полоса), и как они, чтобы создать равные команды, перемешивались и в борьбе за свою команду забывали о национальности и вражде. Ради командной вражды забывали о национальной...

Наум, привет!

Если хочешь выйти на Дугина, загляни на сайт LENIN. Этот антисемитский сайт основала и ведет еврейская (естественно) супружеская пара – Вербицкий и Фрумкина. Дугин там у них идеолог и самый частый и почетный гость: сайт пестрит его публикациями.

*Вот что мне пришло на ум
В эти поры:
Не ходил бы ты, Наум,
В жидоморы.
В Черной сотне, дурилом,
Псы найдутся.
Без тебя они с жидом
Разберутся.
То Содом идет на ум,
То Гоморра.
Не ходил бы ты, Наум,
В жидоморы.*

Всегда твой

Матвей

19.1. От Л:

Сон: лежу больная в кровати. Ты приходишь меня навестить, а за тобой в комнату входит Р, ты берешь мою руку и целуешь, а я замечаю, как она нетерпеливо скучает. Тогда смотрю тебе в глаза и думаю (говорю?) – ты давай радуйся жизни, я же для этого и уехала, да и не могу больше, а дама скучает. А она легонько тебя подталкивает, и ты ложишься на спину на мою кровать и ноги с колена свешиваются. Она расстегивает брюки, садится на стул и приступает к своей любимой игрушке. Но у нее ничего не получается. Я даже вижу как она достает из сумочки какой-то крем в дорогом хрустальном флаконе и смазывает им руки. Тем временем я пытаюсь под шумок высвободить свою руку из твоей, но ты держишь очень крепко и не даешь. А я так стараюсь, что выпрыгиваю из своего тела и, уже сверху вижу как твой вулкан извергается. Но... вдруг чувствую, что рука по-прежнему в твоей и ты тоже со мной над – вырвался, как ракета из носителя. И говоришь – ты меня вытащила в последний момент, еще до взрыва, и теперь я тоже свободен... и проснулась в холодном поту

Матвей, привет!

На счет стихов ты, конечно, мастак. Что касается Дугина, то, во-первых, спасибо за адрес, а насчет жидоморов, то «отсюда» все видется иначе, тут у нас интервью с ним публикуют (отчего я и вспомнил, что он еще «не охвачен»), но я твои соображения обдумую, может и не стоит. Меня периодически охватывает лихорадка активности, все кажется, что недостаточно сделано, чтоб мир оповестить... Хотя, из этой книги вряд ли можно еще что-то «выжать».

Чем ты занят? Что читаешь? Какие вообще новости? У нас, как ты знаешь, выборы на носу. Барак, судя по всему, продует и с треском, но я боюсь, как бы он перед крахом не подписал чего-нибудь вредного. С него станется. И еще опасность, что перед самым финишем они (левые) поменяют лошадей: вместо Барака поставят Переса. У того по опросам общественного мнения позиция предпочтительней. Какой бы нелепой и позорной (для Барака) такая замена ни казалась, она по закону возможна.

Наум

С утра шел дождь. Поехали с женой в музей Рамат-Гана, там выставка Александры Прегель: из семьи Цейтлиных, была ученицей Гончаровой, вышла замуж за ядерного физика, который участвовал в проекте «Манхеттен». С 1919 жила в Париже, с 1940 – в Нью-Йорке. Впрочем, первый муж Анны Томаркиной-Цейтлин и отец Александры вроде русский, Берстеньев. Сама – как белая лебедь. И в картинах ее такая меланхолическая белизна... Лучше всего – натюрморты в белесой гамме: батистовые платочки, ромашки, вербы, стаканы с водой. Музыка меланхолии.

Еще там была выставка местных «русских». Понравился Заремба. Басин «мутный», черно-коричневая муть. Окунь, как всегда, масштабно натуралистичен. Огромный триптих «Растения»: пирамида прямой кишки с зелеными веточками наверху и «мозги», такая куча мозгов, вроде кала...

Вышли – и дождь перестал. Солнышко. Поехали в парк. Он был пуст, промытый дождем, травка молоденькая... Сказочный, неожиданный, почти английский пейзаж: стриженные кусты, клумбы, пруд с мостиком, луга, стена высоких деревьев вокруг...

Домой пришли: дернули виски, по борщу, и в койку.

– Как хорошо ты меня сегодня выгулял, а потом вые... Йом кейф⁵.

Эпистолярный роман: паренек из Ашкелона законтачил по Сети с девицей-арабицей, встретился с ней в Иерусалиме, каким-то образом она завлекла его на «нейтральную полосу», где цветы, необычайной красоты, а по дороге в Рамаллу ее машину остановили люди в масках и парнишку убили. Мать на похоронах кричала: «Интернет убил его!» Не арабы, а интернет. А вообще – затейливый способ убийства. Осваивают новые технологии...

Макарову-Кроткову

Саша, привет!

Задача по переводу оказалась неоднозначной (и это не удивительно). Дело в том, что в практике здеишего разговорного языка нет единого обращения к кошкам. Как правило, в качестве такого «обращения» употребляются невразумительный звуки типа «пс, пс». Можно предложить такой вариант:

Куш-куш, куш-куш

Кьшита-кьшита

Куш-куш – это в большей степени ласковое обращение, когда гладят кошку, но можно и позвать. Иногда так называют и женский орган (кус), та же связь вроде и в английском.

А можно и так сказать:

Мицы-мицы, мицы-мицы (с ударением на первом слоге)

Кьшита-кьшита, кьшита-кьшита (тоже с ударением на первом слоге и «ы» не очень «глубокое», ближе к «и»).

А название «Стихи для кошки» переводится как «Шир ле хатула»

Всегда твой

Наум

Дорогой Наум!

Спасибо огромное. Как только я буду пытаться что-то делать с книжицей или устраивать акцию, я сообщу тебе.

⁵ День каникул (ивр.)

Наум, а не мог бы ты написать этот текстик буквами иврита и послать его «на скрепке». Просто, если действительно в конце концов будет книжка, хотелось бы чтоб был настоящий оригинал. А под ним я уже дам транскрипцию.

Обнимаю. Привет от Стеллы

Саша

21.1. Матвей, привет!

Читаю Мосса (о магии) и восхищаюсь. А также Доддса об «иррациональных греках», очень толково, как приключенческий роман читаю. Все танцую вокруг «подопечного»...

А у нас выборы финишируют, Барак абсолютно уничтожен и остался один. В отчаянии пытается договориться с палестинцами, они, конечно, не против, понимая, что он загнан в угол и готов на все. Но его за последние выкрутасы (судьбоносные переговоры за две недели до выборов, не имея не только поддержки в Кнессете, но и не имея пр-ва, подав в отставку..., да чего там говорить...) атакуют уже «свои», которые готовятся, как говорят, «ко дню, что после».

Да еще «рабочий класс», а вернее профсоюзная бюрократия пытается урвать кусок перед занавесом и грозит всеобщей забастовкой. Самое удивительное во всем этом, что шекель не падает, и даже биржа как-то держится...

Наум

22.1. Взял с собой на подмогу огромную силиконовую колбасятину.

– Ты никогда искусственными членами не пользовалась? Вибраторами там всякими?

– Нет. А ты хочешь попробовать?

– Ну... можно.

– Может, ты и принес?

– Догадливая.

– Ну, давай.

– Стал доставать, шуршать пакетиком.

– Ну, покажи. Ты чего, стесняешься?

– Стесняюсь.

Под одеялом надел на колбасятину гондоньеру, согрел между ног, но от нее прячу, она ощупывает, стали «играться»... И вот, погружаю оную, осторожно, двигая взад-вперед, удивляясь, что свободно ходит, а главное – до конца! А колбасятина, как у жеребца! У меня, по сравнению с ней – наперсток. Чувствую – разогрелась, реагирует. Тербит мой наперсток, а он от ужаса сжался. В общем, поигрались мы таким макарон и... перестали. Вытащил я, и тут она схватила:

– Дай, дай посмотреть!

Почти вырвала. Как увидела его перед собой заржала на всю гостиницу. С трудом успокоилась. Перешли к анализу.

– Ну что, можно, конечно, кончить. Запросто. Только привыкнуть надо. Я просто не могла сосредоточиться. Все думала, а тебе-то это зачем? Ты-то что чувствуешь? Тебе приятно?

– Ну...

– Правда, объясни, что здесь для тебя важного? А может ты тоже хочешь...

– Слушай, – смеюсь, – надоели мне эти подозрения в гомосексуальных наклонностях.

– Непонятно. Раз ты притащил, значит тебе это важно. Что же?

– Это как наблюдать со стороны, вуайеризм называется. Возбуждает. Ты когда-нибудь видела, как другие делают?

– Видела.

– Ну, возбуждает?

– Возбуждает.

– Ну вот.

Это объяснение ненадолго ее удовлетворило. Надолго удовлетворить ее вообще невозможно.

– А ты иногда фантазируешь?

– Нет. И никогда не фантазировала. И вообще я предпочитаю дедовским способом, но любую фантазию готова претворить в жизнь.

– Понимаешь..., мужчине всегда хочется произвести на женщину «глубокое впечатление».

– В смысле глубины?

– Ну, и это тоже.

– Во-первых, самое чувствительное место у женщины это в начале, а не в конце, так что глубина...

– Ну, у кого как...

– И потом..., не знаю, мне с тобой очень хорошо, ну просто... я с ума схожу, ты великолепный любовник, великолепный, так что все твои комплексы – зря. Ну, а если хочешь его приносить, приноси. Нет, мне все равно, если ты хочешь. А ты ему имя дал?

– Имя?

– Ну да, надо его назвать как-то.

– Хм...

– Просто хуй что ль? ... Ха-ха-ха! Застеснялся! ... А ты про куклу фантазировал?

– Фантазировал.

– Ты вообще, наверное, склонен к фантазиям. Художественная натура. ... А я подумала, ты принес, чтоб от меня отдохнуть.

Рассказывает про подругу в школе: любила одного, но не давала, а когда выяснила, что у него кто-то есть, стала с ним жить. Потом забеременела, даже женила его на себе, но через пару лет они развелись...

– Когда стала с ним жить, поразила меня: говорит, я отдала ему самое дорогое, ха-ха-ха! Надо ложиться в постель не для того, чтобы «отдать самое дорогое», а чтобы взять самое дорогое.

– Это надо выбить золотыми буквами.

25.1

Компромисс – детище рационализма, жертва – детище вдохновения. Компромисс делает жизнь «приемлемой», но «обессточенной», если пользоваться электрическим термином, обездоленной, в смысле «высшей доли», он ведет к «выветриванию» духа. Жертвенность делает жизнь огнедышащей, но вечно возобновляющейся. Компромисс все стирает своими могучими жерновами, стирает в «муку». Жизнь становится, как кругляш гальки, гладенькой... Компромисс губит, жертва обновляет.

26.1. Позвонил Володя, сказал, что едет к Баембаеву, можем повидаться. Звоню Баембаеву:

– Рома? Привет. Слушай, Володя сказал, что собирается к тебе нагрянуть, ты не против, если мы вместе нагрянем?

Нет, он не против, даже, как показалось, рад. По дороге я зашел в «Экслибрис» купить еще Сукачева, да и девушка мне понравилась. Она еще посоветовала группы «Ноль», «Вабанк», Дмитриевича, которого, правда, не оказалось. Понравилась мне девушка, и я ей книжку свою преподнес.

- Ой, только надпишите! Мне никогда еще писатели книжки не дарили!
- А как вас зовут?
- Маргарита.
- Ого.

И надписал: «Маргарите от Мастера». А хули. Попросил позвонить, когда Дмитриевский будет (ждут нового завоза). «Эх, хорошая девушка», подумал непонятно чем окрыленный дедушка и поспешил к Баембаеву...

Баембаев переехал. В том же доме на улице Раби Меира, только со двора, муравейник с тайландцами, узенький проход, слышу вопли Тарасова. Комната такая же, вместе с кухней, только нет лестницы наверх, а проход в темную комнатуху, там матрац неубранный – спальня. Тарасов был уже в изрядной накачке: лакали бренди, закусывали редиской с зеленым луком, копченой колбасой и черным хлебом. А я зачем-то притаранил земляничную наливку и банку шпрот. Шпроты пошли в дело, а наливку пришлось самому, так к концу всю бутылку и оприходовал. Баембаев:

- На клубничку потянуло?
- Это земляничная.

– Аа! Клубники-то здесь завались, а вот землянику я уж не помню, когда в последний раз...

Тарасов был в разгаре витийства, речь шла о пропаже архива Бокштейна.

– Но если он на помойке, – мягко убеждал Баембаев, – то все, Володя, дело конченное.

Но Тарасов не унимался.

– Не, Наум, ты послушай, я тебя сейчас введу в курс... Мне нужна будет ваша подпись. Я хочу их выебать, понимаешь? Вы-е-бать!

– Если все на помойке, то это бесполезно, – эхом отозвался Баембаев.

– А в чем собственно...

– Я тебе сейчас все объясню, – горячится Тарасов. – Было такое постановление, обязывающее Амидар⁶ закрыть квартиру и ничего в ней не трогать. А они вселили туда людей, понимаешь?! Ну и те, конечно, всё оттуда выкинули. Тысячи книг, рукописи, ну все! Я хочу их наказать, понимаешь? Их надо наказать, этот вонючий Амидар, блядь, этих пидарасов!

– Как наказать, не понял?

– Полтора миллиона! Я хочу содрать с них полтора миллиона! Эти книги стоили бешеные деньги!

– Но ты же не наследник.

– Да я не для себя, блядь! Деньги старухе пойдут, этой ду-уре! Этой его двоюродной сестре!

– Так тебе нужна доверенность, – строю из себя человека сведующего.

– Это будет, я с ней договорюсь, не волнуйся. Мне нужно письмо, от солидных людей, таких как ты, как Баембаев (мы с Ромой, польщенные, переглянулись)...

– Ты что, не понимаешь, – подключился Рома, – у них же батарея адвокатов, какие полтора миллиона?!

– Полтора миллиона! Я хочу их вы-е-бать! Понимаешь?

– А на миллион двести тысяч, – бросает Рома, – ты не согласен?

– Согласен.

– А четыреста тысяч – плохо? – торгуется Рома.

– Сто тысяч долларов? Минимум.

– Даже сорок было бы неплохо, – не отстаёт Рома. – Ты сначала поговори с этим своим другом, адвокатом...

⁶ Государственная компания по предоставлению социального жилья

– Я поговорю. И я их вы-е-бу! Представляешь, какие суки?

– Я чо-то не пойму, – говорю, – ты хочешь им отомстить, или ты хочешь заработать?

– Отомстить!

– Кому?! – вмешивается Рома. – Это же контора! Это же не конкретные люди! Я даже подозреваю, что не они виноваты, а они перепродали свои права на эти дома другой фирме, а та сдала и все...

– Нет, эти пидоры из Амидара, я их вы-е-бу!

– Ну да, проклятый Амидар, проклятый Израиль и весь мир.

– Это антисемитизм, – влезаю.

Володя вдруг покосился на меня с пьяной, но осмысленной усмешкой: «Хха!» Я продолжаю:

– Позвольте подвести итоги. Во-первых, мстить тут некому. Они же не могут закрыть эту квартиру навечно. Она была закрыта, надо было за это время вывести архив, если бы ты всю эту энергию потратил раньше на то...

– Я хотел взломать дверь!

– Да не дверь ломать, ты же собираешься сейчас бежать к этой старушке, получать доверенность, потом к адвокатам, если бы побегал раньше, то может и получил бы...

– Не, ну сейчас-то, сейчас-то что делать?!

– Так я говорю, мстить некому, это глупо. Теперь в смысле заработать. Во-первых, ты ничего не получишь.

– Я же говорю, – поддержал Рома.

– Ты не веришь?! Значит сидеть сложа руки?!

– Дай договорить. (Я чувствую, что опьянел.) Денег ты не увидишь, потому что серьезных нарушений закона, я уверен, здесь нет. А вот общественную кампанию под культурным соусом, мол, погиб архив великого поэта из-за равнодушия чиновников – на этом можно заработать! Под скандал на почве культуры могут пригласить на телевидение...

– Меня уже пригласили.

– Вот, пригласить на телевидение. Там, кстати, и отомстишь, и выебешь этих чиновников публично. А главное, под скандал, чтоб его замять, они таки да могут дать деньги, но не в карман, а под культурный проект: выпустить книгу, сделать фильм, на это они могут дать, чтобы отмазаться, выглядеть чуткими...

– И с налогов спишут, – подключается Рома.

– Это лучшее, – продолжаю, – а главное, реальное, что ты можешь сделать для Бокштейна.

Еще долго шумели на эту тему. Потом разговор переключился на загранпоездку Тарасова.

Володя: В Париже я был у Хвоста. Это было совершенно великолепно. У него театр. Анри ему пишет и дарит, ты, говорит..., только имени моего не упоминай, ну, Анри это вообще... А какие у него внизу римэйки! Пиздец! (Тут его характерно завернуло винтом.) Хочу его пригласить в Израиль, но проблема с актерами, у них нет паспортов, и они боятся, что их не пустят обратно.

Рома: Их и сюда не пустят, ты что. Кто им визу даст?

И они опять заспорили.

– Но самый замечательный город, конечно, Рим! Рим – это пиздец! Полный пиздец! Сикстинская капелла – полный пиздец!

Ну и пошло, уже в крик: Микеланджело, Караваджо, Рафаэль, который Микеланджело в подметки не годится.

Рома: Ну, Микеланджело художник средний, а поэт никудышный.

Володя: Поэт никудышный?!

Я: Не знаю как поэт или как художник, но скульптор он охуительный. Я в Академии флорентийской...

Рома: Микеланджело никудышный поэт, средний художник, скульптор – ничего, но он совершенно гениальный архитектор.

Я: Ну, не знаю. Эти его «Рабы», будто рвущиеся из камня...

Рома: Так незаконченные! Незаконченные вещи у него гениальны! Но там где он мрамор вылизывал...

Еще кричали о каком-то перформансе, на котором Рома читал, а Петя вдруг выставил публике жопу. Рома:

– Ты же знаешь, какая у Пети жопа? Вот такая! – Он широко развел руками и все согласно закивали. – Он перед этим ее еще плохо вытер, даже, кажется, бумажка торчала. Вот это был перформанс!

Потом Бренеру мыли кости. Рома его тоже не жаловал. Володя защищал, называл «дерзким», ссылаясь на его мировую славу. Стали делить знакомых на тех, кто «делает карьеру» и кто «настоящий». Даже Генделева помянули.

Рома:

– После сорока они уже только о деньгах думают. Причем Генделев еще честный парень, просто бросил литературу и все, а какие-нибудь Кунцы...

Володя:

– Ну, Кунц отвратителен.

Рома:

– Бьют на жестокость, уродство, страх. А простой человек в сущности хочет повеселиться и не очень-то боится Апокалипсиса.

Рома теперь поет песенки, поставил нам записи. Ничего, эффектно. Показал статью про него в «Хаарец», большую, с портретом, называется «Последний дадаист». Володя похвастался, что скоро встретится с Соколовым, тот должен в понедельник приехать в Тель-Авив.

Володя мне:

– Если тебе нужно что-то передать ему, пожалуйста.

Великодушен. Даже обещал привести его к Роме.

Рома:

– Приводи, все-таки он мужик нехуевый.

Володя:

– Самый нехуевый!

28.1. Пятерик вогнал. Рекорд. Три в отеле и два дома, до и после. Не зря всю неделю ходил «злой». Каждый раз у нас все лучше и лучше. На этот раз ей удалось высосать, долго работала. Потом размазывала, по себе, по мне. Любит это.

– Родной ты мой.., ты стал мне такой родной. Скажи, а правда ты стал более внимательно к себе относиться? Ну, чуточку стал больше себя любить?

– Да, пожалуй, что так

– Правильно, надо себя любить. Если себя не любишь, то как же можно любить других?

30.1. «Как вульгарная магия является обычно прибежищем отчаявшихся в самих себе, тех, для кого и человек и Бог стали одинаково чужды, так теургия превратилась в убежище отчаявшейся интеллигенции, которая уже чувствовала „очарование бездны“». (Доддс) Как будто про Серебряный век написано...

В основе «магической реакции», как считает Доддс, «бессознательное бегство от тяжелой ноши индивидуального выбора, который открытое общество налагает на своих членов».

В каком-то смысле к магии можно отнести и почитание письменности у евреев, всяких «священных» и «тайных» книг. В письменности есть что-то сакральное. Ведь пером водит «душа», что-то в человеке, что не вполне он сам...

«Человек – это бог, который может умереть». (Аристотель)

31.1. Прелюдия к тишине... Неплохое название. Только чего?

Жена: Ты мой доктор

Я доволен, кажется, довел до кондиции. Теперь, как говорится, не стыдно женщине в глаза посмотреть.

Были в тюрьме у Юваля. У него вид загнанного в угол.

1.2.2001. Пустые корты. Рассвет. Безмолвие. В небе мерцают клинья журавлей. Будто чешуя рыб, вынырнувших из глубин на свет. На север летят. То ровный клин, то трепещущий, порванный. Иногда какая-то птица отстанет, машет крыльями изо всех сил, пытается догнать, но оставших не ждут...

А чуть позже разбуженный мир уже грохочет моторами, воронье всполошилось...

Муж Р в больнице, операцию сделали.

– Какое-то сухожилие в руке, я в этом ничего не понимаю. Но когда увидела его в больничной пижаме – мне просто плохо стало. Больница превращает человека в ничто. И вообще, все это грустно... Такой был здоровый мужик, никогда ничего не болело... А я ночь почти не спала, что-то холодно было, зуб на зуб не попадал..., да, наверное, я не могу быть одна, а спать тем более. Муж у меня такой горячий, с ним всегда тепло... Любая форма нивелирует, но больничная пижама... Я почти прочитала. Но ты зря меня пугал, что будет скучно, я даже словарь взяла на всякий случай, но ничего, разобралась. Ты очень красиво написал, я читала с удовольствием. Молодец. Ты умница. Мне нравится, что ты умница. И я хочу твои щечки поддержать. Ты опять похудел, они уже ладони мои не наполняют... Нет, я хочу..., да, как у хомячка... Скажи мне еще раз, ну скажи...

«Разведчики недр». Название порноромана.

Верник собрался к Добровичу:

– Мне надо отдохнуть, Ньюма. Я уже тебе говорил, что нас теперь пятеро в квартире, не считая собаки и кошки. Это трудно, Ньюма. Я полежу у него на диване, полистаю книжечку, а если соберусь с силами, то позвоню тебе. Да, может, что и получится.

«Религия – это то, что человек делает со своим одиночеством» (Уайтхед). «Меня пугает безмолвие этих бесконечных пространств», пишет Паскаль.

Мир пугает, он враждебен. Познание – способ завоевать мир, вобрать его в себя. Познание – это экспансия. Она восхищает величием, но не греет одинокую душу. Овладение миром не примиряет с ним, да и призрачно.

Бараш злится: книгу его в НЛЮ мурыжат. Обещал перекинуть новый текст. Что ж, его проза мне нравится больше. Стихи не прощают вымученной многозначительности.

Позвонил Ф. Встретились, погуляли у моря. В конце прогулки меня обьял ужас: зачем?

От Ф: Такое счастье – видеть тебя, идти навстречу. Ты мне очень дорог. Спасибо за текст, пришли продолжение и эссе, хорошо?

Целую

Бросился писать ей письмо.

Ты сказала: то что произошло тогда осталось для тебя непонятным. То есть это мучает тебя до сих пор. И, как я понимаю, тем более тебе непонятно это внезапное «возвращение». Насчет последнего я попытался объяснить (у затуманенного моря) ... Да, меня в последнее время обужала, странная для меня самого, «сексуальная мечта». Я вдруг магически сосредоточился в одном месте твоего тела, не думая ни о чем другом. Я говорил себе: ты не должен звонить (писать), но... Это было почти наваждение...

А теперь я попробую объяснить то, что произошло со мной тогда. Это не произошло внезапно, а накапливалось. Накапливалось чувство несвободы. Ощущение тяготы. Ощущение клея... Возможно, я был неправ, но я чувствовал твою зависимость. И это ощущение лишило меня независимости. Я чувствовал, что чем дальше, тем тяжелее для тебя будет «конец романа» (а он неизбежен). Осознавать, что рано или поздно принесешь кому-то «болевы́е ощущения», согласись, тягостно. «Роман» превращается в «постановление об отсрочке казни». И вообще, чувствуешь себя каким-то к чертовой матери Печориным... Пугает не то, что женщина «счастлива» с мужчиной, а то, что она несчастлива без него. И тогда у мужчины возникает чувство «костыля». Одно дело вместе радоваться жизни, а другое дело чувствовать себя «костылем». Нельзя никому давать ощущение, что ты несчастлив. Увидев тебя, я опять ощутил тяжесть. Невыносимую тяжесть. Я ощутил, что ты «падаешь» на меня. Даже тогда я еще ощущал, что ты «держишь дистанцию», а теперь и это чувство исчезло. Я понял, что совершил ошибку.

Нет, такое письмо нельзя отправить...

4.2. В субботу разгулялся ветер, но все-таки поехали в лес. Гуляем, три старых мужичка, разговоры о вечном:

Мирон:

– Она вообще дико в меня влюблена...

Я:

– А не страшно? Тем более что она не замужем?

Мирон:

– Очень страшно, я же несколько раз пытался порвать с ней, но в конце концов...

Аркадий:

– А у меня одна знакомая, жутко вспомнить, покончила с собой. Ну, можно сказать из-за меня, да. И Бог меня уберег. Что у меня ничего с ней не было. Она, конечно, очень хотела, но я чувствовал, что здесь что-то не то. И вот – уберег...

Мирон:

– У меня было похожее. Подруга невесты моего приятеля, как-то на вечеринке мы с ней рядом сидели, она была некрасива, но не лишена сексуальности, знаешь, бывают такие, некрасивые, но...

Я: Трахнуть можно.

Аркадий рассмеялся.

Мирон:

– Да, так мы, помню, очень мило побеседовали, потом может пару раз еще виделись, тоже на общих таких мероприятиях, а потом я пошел в армию, и вдруг стал получать от нее письма. И вроде так ни о чем, я не придавал им особого значения, только удивился, а потом узнал, что

она пыталась покончить с собой. Ну и эти письма, конечно, уже..., ясно, что она была в меня влюблена...

От Зуса: *Нёма, я тебя уверяю, Израиль будет процветать т.к. арабы заботятся о нем*

Ну, разве что арабы...

Для Л: *Ауу! Все нормально?*

А я... ох, какую глупость сделал...

Для Ф:

Наша встреча выбила меня из колеи. Почему-то все это слишком давит на меня. Видимо, я не готов сблизиться. Мне это не под силу... Я веду себя ужасно, я знаю, и «откровенность» меня не оправдывает, и все это не дает мне возможность даже показаться тебе на глаза.

5.2. От Ф:

У меня все время было чувство, что я, как летнее облако, растаяло и незаметно исчезло из твоей жизни. Поэтому, честно говоря, меня удивило твое письмо.

Я никак не в состоянии понять, почему мое присутствие в твоей жизни так тебя мучает и обременяет. У тебя столько приятельниц, ну еще одна! Уделишь мне иногда немного внимания, посидим на берегу моря, степень близости зависит от тебя.

Мне очень не хочется, чтобы ты снова исчез из моей жизни, но поступай так, как велит сердце, а я всегда буду рада тебе, если ты вспомнишь обо мне.

Я благодарен тебе за письмо

А «обременяю» я сам себя.

От Л: *Какую же глупость ты уже сделал? Давай записки*

Читай, там все прописано...

6.2. Р простужена. Вид замотанный. Свет в зашторенном номере меняется полосами: то солнце, то дождь. Шесть часов провалялись. Три пистона.

– Так, через годик, ты и до пяти дойдешь.

– А потом – в олимпийскую сборную.

Все-таки рассказал о «глупости» и отравил ситуацию.

– Так и не трахнул ее? Надо было трахнуть. Теперь она совсем неудовлетворенная. ... Какая же я все-таки сука, муж дома больной, после операции, а я... Ты знаешь... вот он меня обожает, он до сих пор смотрит на меня, как перед свадьбой, он услужлив, ненавязчив, но вот он сейчас дома, и я не могу, я просто бегу. Когда он работает, так мы хоть видимся час-два в день, этого достаточно. А сейчас... Мне нужно каждый день хотя бы минут сорок побыть одной, просто одной. Почитать что-нибудь, даже к работе что-нибудь посмотреть, ну просто побыть одной, я без этого не могу. ... Мне с ним (с Мики) очень спокойно, прихожу иногда, когда его нет, да, почти, как домой, и ложусь спать, я у него отсыпаясь, ночью-то я почти не сплю. ... Я избалована, мужчины всегда меня любили, ну, скажем так: очень хорошо ко мне относились. Только ты меня обижаешь... Невниманием. И потом, мне тебя мало, раз в неделю – это мало. ... Он мне очень предан, хотя в сущности он – жертва в этой ситуации. Надо бы его женить, но не мне же этим заниматься... А вообще мне иногда хочется послать

вас всех. ... Я иногда вою. Я же плакать не могу, так я вою. Да. Потому что скучно. И мрак какой-то вокруг... Роба довольная... (перед зеркалом). А чо, как следует оттрахали, сказали, что любят, чего еще бабе надо...

На обратном пути: «В следующий раз не пойдем в гостиницу. А то мы совсем не гуляем».

От Л:

Это, как мне кажется, я тебя спровоцировала на «глупость»... тоже мне костыль...

А меня не будет с 25 февраля по 12 марта

Где же ты будешь? И почему ты меня спровоцировала?

«Человек не хочет быть только человеком». (Николай Кузанский)

7.2. От Л:

где буду? – дома буду, у родителей – устала без дома, как рыба без воды...

Так что, отметим наши рождения?

Вот и Благонамеренный вытянулся по струнке, честь отдает.

можем увидеться только 27-ого. Позвонить тебе утром 27-ого, после 9-ти?

9.2. Верник был на спектакле Мамонова, потрясен, жаль, что я не видел, а спектакль был только один.

– А где?

– В Бат-Яме.

– Аа, рядом. А когда?

– Да вчера. Мы с Добровичем ходили.

– Чего ж меня не позвали?

– А я разве тебе не говорил?

– Нет. Ты сказал, что поедешь к Добровичу на диване повалиться, и что если силы будут, то позвонишь и, может, встретимся, а теперь выясняется, что ты поехал на спектакль.

– Ну да. А мне кажется, что я тебе говорил.

– Ты мне говорил до этого, что Мамонов приезжает и дает один спектакль, это так, но...

– Ну значит забыл, не знаю...

От Матвея:

Кажется, вас надо поздравить с победой правых. Очень обяжешь, если расскажешь, как начинает Шарон и какие у него, на твой взгляд, перспективы. Моя запарка только усиливается; пока не скину Адорно, нет возможности разогнуться.

Матвей, привет!

Шарон начал очень «мирно», разослал гонцов, всех успокаивает, стремимся, де, к миру, просьба не мешать, пытается всеми силами заманить Рабочую партию в пра-во, потому что только вместе (если, скажем, Барак был бы министром обороны) можно этим гадам вломить (один Шарон все время будет под обстрелом левых: мол, мы вам говорили, что Шарон это – война!). А вломить необходимо, потому что иначе они не образумятся. Вообще у них, у палестинцев, наблюдается развал власти и ситуация уж совсем напоминает чеченскую: вооруженные банды, экономическая разруха, кипящая ненависть... Достаточно на них чуток нажать, даже не очень сильно, и вся арафатовская власть развалится. Но именно

этого левые и боятся. Однако на правительство национального единства шансы невелики. Барак под горячую руку заявил, что уходит, правда вчера уже заявил, что «поможет» оставшимся-осиротевшим и даже «при благоприятных обстоятельствах вернется». Осчастливил. Хорошо хоть заявил, что поскольку никакой окончательной договоренности с палестинцами достигнуто не было, все промежуточные результаты ни к чему Шарона не обязывают, да еще Госдепартамент заявил, что клинтоновские «предложения» остались предложениями, и Буша тоже ни к чему не обязывают. Палестинцы взвыли, грозят войной (а ведь ел дышат, суки!). Ну вот, а поскольку после Барака в партии Труда бардак, борьба за власть, и к тому же они понимают, что нужны Шарону как «мирный щит» к его мечу, то там сильное противодействие. Так что шансов на нацединство, как я считаю, мало. Единственное что их может «заставить» пойти к Шарону, это боязнь потерять на следующих выборах всякую поддержку. Ну и министерские посты, конечно...

Всегда твой

Наум

10.2. «Деньрождение» шурина в ресторане уважил знаменитый тенор Шаповалов: по залу пробежал шепоток восхищения: «Шаповалов! Шаповалов!» Спел несколько итальянских народных и одну русскую, шутовал-затейничал, объявил, что при ресторане открывается «клуб интеллигентов», он там будет петь, так что – милости просим. Быстро откланялся. Шурин, на правах его приятеля, рассказал о трудной жизни популярных певцов: сейчас надо мчаться в Хайфу, а потом, ночью, – опять сюда. Хозяин ресторана и бывший работник банка, обходил столики, интересуясь, довольна ли публика. Жена шурина игриво призналась, что когда хотела к нему в банк устроиться, он сказал: будешь спать со мной – будешь работать, а она отказалась.

11.2

– Ну что, поедem в гостиницу?

– Но мы же решили, что не поедem. А ты хочешь?

– Хочу. Но, раз решили...

– И потом мне сегодня надо к пяти вернуться.

– Ну, до пяти можно кое-что успеть... Ладно. Тогда поедem в парк, в Рамат Гане? Можно даже в русский музей сходить, там рядом.

– Нет, в музей не хочется.

– Несовпадения по фазе по всему фронту.

– Знаешь, я уже хочу. А ты правда хочешь?

– Правда.

– Тогда поехали. А то какие-то несовпадения по фазе...

Удовлетворилась – раздухарилась.

– Девки-бляди, девки-бляди оторвали хуй у дяди. А дальше как, знаешь? Дядя плачет и кричит, хуй по воздуху летит, ха-ха-ха!

Положила голову мне на грудь.

– Сколько здесь теток валялось...

– Да, народ любит это место.

От Мерлина:

Когда-то читал Деррида, теперь ничего не читаю. Пишу о Совке и сочиняю философию. Можно сказать так: моя область – философия Совка.

Успехов

Валерий

13.2. От Зуса:

Я так и не переночевал в Гефсиманском саду – так страшно кричат муэдзины.

Я пытаюсь понять этих охламонов в Израиле: как это можно – никакой информации на сайтах, какие-то не те номера, консулат гонит фуффло.

Но, видимо, ты прав, эти массовики-затейники перенесли поэтический фестиваль на 2002 год, очевидно в связи с интифадой.

Вот это позор, ужас.

Но книжная ярмарка в Здании Национального Конгресса состоится вроде бы (?) и мы приезжаем!

Книжную ярмарку тоже перенесли

Наум

Утром поработал на славу. Жена смеется колокольчиком

– Ой, чой то я, как дура, смеюсь. Все эндорфины выскочили.

Пишу «письма о героизме» и в перерывах заглядываю в телевизор: страшный теракт рядом с нами, напротив Азура, автобус врезался в толпу ожидающих, девять убитых, десятки раненых... И никакой реакции. Тотальная импотенция.

От Л:

А чем ты занимаешься в каникулы, кроме ебанных рекордов?

Пишу о героизме...

15.2. Дождь. Читаю Плотина. За окном дрожат под дождем «анютины глазки», посаженные моей веселой женой, несколько желтых и один бархатно-синий с белыми разводами, как драгоценная бабочка. Дождь усилился, потемнело. Вчера навещали сына в тюрьме. У ворот суeta издерганных и жалких посетителей, неорганизованность, израильский «балаган». И как-то очень неуютно и унизительно чувствовать себя внутри всего этого. И ни одного «светлого» лица, какие-то упыри, уродцы, межеумки. Ночью позвонил Альперович: они за нас беспокоятся. Он де чувствует безысходность ситуации и понимает, каково нам. Жена разговаривала с ним. Я вроде как спал.

Утром Р позвонила. У нее опять голос пропал. Сказал, что скучаю, что родная и любимая. «Я тоже скучаю» – просипела.

17.2

Наум, привет!

Позвонил мне сегодня Миша, уже из дома: оказывается, телефон ему поставили несколько недель назад, но он, по его словам, не звонил, потому что «потерял очень много сил» на получение паспорта, вставку окон и установку телефона и только теперь начинает восстанавливаться. Позвонил он мне в том числе и для того, чтобы узнать твой номер (т.к. телефонная книжка сгорела). Я сказал, что телефона не знаю, т.к. общаюсь по E-mail'у, и пообещал, что сразу же сообщу тебе, что телефон у Миши работает; боюсь, что я как бы за тебя пообещал, что ты ему сразу позвонишь: извини, так уж получилось.

Адорно я еще не скинул, так что рассказывать не о чем; даже ничего не читаю. Заказы получил и надеюсь выполнить к концу недели.

Правильно ли мне послышалось в новостях, что теракт (когда автобус врезался в группу солдат) произошёл в вашем Холоне? Как сын? Как вообще обстановка?

Всегда твой

Матвей

Матвей, привет!

Мише я позвоню (никакой «ошибки» ты не совершил). Теракт действительно был в нашем районе. Обстановка? Барак и Перес будут в коалиции с Шароном. Лебедь, рак и щука. Барак сделал свой очередной «кульбит» и решил, что ради «безопасности страны» он остаётся на посту. Даже «левые» взвыли от такой наглости. Они теперь эту парочку (Барака-Переса, друг друга ненавидящих) называют «хатран и загзеган», «крот и крутила». А пока они формируют свое говенное правительство, арабчата совсем распоясались, и на севере стреляют через границу (вчера убили солдата), из Газы уже минометами пуляют, и никто не чешется, да и правительства еще нет. То бишь есть временное, но оно не берет на себя ответственность...

Сын выходит только в начале марта, отсидел два месяца чистогадом. Настроение бодрое. Когда выйдет, расскажу про тюрьму.

– А почему не спрашиваешь, сколько раз я кончила?

– Сколько же?

– Много. Не помню. А в первый раз помню.

– Ну, сколько в первый раз?

– Три. Вообще, первый помню. ... Ты на меня смотришь, и у меня сразу ... голова кругом, и я опять тебя хочу. ... А тебе жена теплую ванну не делает?

– Теплую ванну?

– Ну ты чо? Тест на любовницу.

– ?

– Если яйца всплывают, значит у бабы был, ха-ха-ха! ... Ты очень похож на моего отца, это меня сразу поразило, нет, не внешне, а по характеру, даже по каким-то жестам...

22.2. От Л: *Ты куда пропал? Все в порядке?*

Был 3 дня в больнице, сняли с корта... Хорошо, что не с бабы...

Надо сделать пару проверок, а пока – дома

Что было? Сердце забилося...

23.2. От Л:

ну ты даешь, допрыгался... а какие проверки надо делать? Тебе подключали монитор на сутки? Были ли повторные сердцебиения, какова e.k.g?

Монитор не подключали, но хотели, на e.k.g. есть какие-то изменения, но они не могут понять их (и степень опасности). Повторного не было.

Определили все это как «параксильную тахикардию». Велели сделать две проверки, после которых только будет ясно, что собственно было и с чем это едят. Проверку (главную, что-то вроде сердечной картографии) назначили на 14 марта. До показаний этих проверок велели «тихо сидеть», на работу не ходить и т. д. Чувствую я себя, откровенно говоря, неуверенно, все что-то кажется... Оно, конечно, мнительность, но, боюсь, что не только. Может, посидев дома несколько дней отойду, не знаю. Но все эти подробности я излагаю к тому, что если другие обстоятельства позволяют, с «нашей» (нашей с тобой) точки зрения было бы

лучшие, если бы ты визит отложила. Это не просьба, и не пожелание, просто я боюсь, что наша встреча из-за этого будет, мягко выражаясь, «скомканной». В общем, ты же понимаешь, что когда у человека что-то внутри не в порядке, он на этом сосредоточен, хочет он этого или нет, ну и, соответственно, нормальная жизнь как-то «отступает»... Пойми меня правильно, я очень хочу тебя видеть, но боюсь, что ты пролетишь тысячи километров, а я буду... несколько «рассеян» (оставляю за тобой возможность иронического замечания: «не впервой»).

Не знаю, что еще сказать. А кроме всего этого – целую.

Интересно, что у меня эти дни тоже были неполадки такого свойства... Но я уже знаю, как с ними совладать.

24.2. Я умру на Пурим, когда веселая толпа ряженных, танцуя, будет плыть мимо балкона, а я подумаю: «Жизнь – красивая дура. Я презирал ее за глупость, и она прошла мимо, задрав юбки...»

Наум, привет!

...почти все купил в «базовых» местах: Маймонида в Еврейском университете, а Дильтея – в Доме интеллектуальной книги. Не выслал тебе нового списка, потому что прошло слишком мало времени, но слышал, что кое-что интересное или уже вышло, или на подходе, в том числе давно обещанный четырехтомник Гершензона (Серия «Русские Прописи», цена ориентировочно 600 р за все четыре тома) и девятитомник Конст. Леонтьева (кажется, вышло два первых тома примерно по 280 р), а также двухтомник классических исследований по раннему христианству (Гарнак и другие). Список с точными данными пришлю через недельку-другую.

Что это за «сердечные дела» (в медицинском смысле), которые ты вскользь упомянул? Поставили ли тебе «окончательный диагноз»? Раньше было что-то подобное или в первый раз? Хотелось бы, чтобы «пронесло»: в нашем возрасте болезни отвлекают от более интересных тем. К тому, что ты имеешь возможность почитывать книги, относиться теперь с самой черной завистью, это надо ценить. Я, например, после довольно благоприятного в этом отношении периода, «кусаю локти» оттого, что лишился такой возможности. Впрочем, кое-что я все же успел прочитать, так что при желании можно и обсудить.

Как там ваш «зигзаг»? Кажется, по последним сведениям он решил уйти из политики, изменит ли это соотношение сил? Как ведет (или поведет) себя по отношению к Израилю новая американская администрация? Хоть там и нет евреев, может, сблизит противостояние Ираку? Вы действительно запасаетесь противогазами? Ну, и ты обещал про тюрьму...

Всегда твой

Матвей

Матвей, привет!

Насчет «сердечных дел», то картина прояснится после нескольких проверок. Чувствую себя как-то неуверенно, что очень злит, обидно, до этого я чувствовал себя в пике формы (и был такой тайный суеверный страх, что этот «свободный полет» окончится тем, что «врезжусь»...), но от философии не отвлекает, даже наоборот, я все больше и больше вхожу во вкус (вспоминая Эпикура) и скучаю по твоим «тезисам» и «возражениям», и по этому поводу злось на себя, что все время, охваченный нетерпеливым воодушевлением, посылаю тебе неготовые тексты, которые потом пересматриваю.

Что касается «обстановки» (и про тюрьму – сын вчера вернулся), то – в следующий раз.

Всегда твой

Наум

От Л: *Надеюсь, ты чувствуешь себя лучше. Очень рекомендую прогулки по берегу моря. Постарайся не лежать много, это не рекомендуется, и учись дышать глубоко. Как ты сам понимаешь, менять что-либо с поездкой уже поздно, послезавтра вечером уже буду в небе. А мне приснился изумительный сон. Будто мы с тобой на коньках катаемся, на роликовых. При этом музыка небесная и мы скользим в обнимку и кружимся сначала по берегу моря, а потом по Летнему саду. Ты держишь одной рукой мою ногу на своем бедре, а другой – меня за талию. А я обеими руками обнимаю твои плечи... и мы кружимся в танце, скользим... ощущение полета изумительное...*

Целую тебя, до встречи, позвоню 26-ого

25.2. Встретились с Р в деревне. Сидели в машине, целовались-обнимались.

– И почему ты мне так нравишься, а? Рожа!

26.2. Земля улыбалась цветами.

Одна строка тоже стих...

Бренер прислал книжку «Demolish serious culture!!!»

Barbara & Sasha, shalom!

Rad byl poluchit' ot vas vestochku, a uz tem bolee – knigu. Spasibo.

Vsegda Vash

Naum

Наум, привет. Твой перевод Ханоха Левина помещен у нас в «Гостиной». Второй рассказ, по причине неупотребления, опубликовать не могу. Особенных литературных достоинств я в нем не обнаружил, а вот скабрёзности, мутной блевотины и перепачканных спермой трусов в избытке. Извини, друг.

YAKOV SHECHTER

Яша, привет!

Перечисленные тобой «непотребства» и являются «литературными достоинствами» этого рассказа, и то, с каким смаком ты их перечислил, это доказывает. Но – о «вкусах» не спорят. А я в любом случае – без претензий.

Всегда твой

Наум

Шурин, когда навестил меня в больнице:

– Меня Шаповалов, мой новый друг, научил: стакан текилы – лучше виагры. А у меня девушка одна есть, мы с ней... в общем хлобыстнул я стакан текилы – три палки бросил и еще стоит.

Вернику сделали операцию на деснах. И у него депрессия.

Гробман говорит, что лучшая фраза Верника, стоящая всех его литературных трудов: «Если бы я так много не болел, я бы давно умер».

Матвей, привет!

Насчет тюрьмы. Я уже писал тебе, что он сел намеренно, чтобы добиться перевода в другую часть. Надо сказать, что вообще в Израиле «человеческий климат» в армии кажется мне чересчур «ищадящим». Особенно в контрасте с очень жесткой внешней ситуацией. Например, родителям очень легко выйти на связь с командирами (непосредственными и старшими) своих детишек, расспросить их, посоветовать и посоветоваться, даже повлиять, уж не говорю об информации о нахождении, состоянии здоровья и т. д. Можно советоваться с армейскими психологами, адвокатами и т. д. Солдат, недовольный местом или условиями службы может перевестись или даже вообще освободиться от армии: две отсидки в тюрьме по два месяца и тебя из армии «выгоняют», или можно пойти к психологу и сказать, что до смерти боишься, правда, освобождение из армии по параграфу «психически неуравновешен» – ложится пятном на характеристику и в дальнейшем может сильно затруднить прием на госслужбу. Не буду утверждать, что весь этот либерализм положительно сказывается на боеготовности, но это так. Скажем, в тюрьме право на свидание дается раз в две недели. Встречи – в общем дворе, приходят большими группами: родители, друзья, подружки, с едой (тут есть ограничения в смысле герметичности и кошерности), по времени практически неограниченные. Обстановка «внутри» обычная, «эксцессы» редки, по желанию можно работать (красить, строгать, пилить), или «служить» (охрана), а можно и вообще ничего не делать. Правда, это военная тюрьма, на гражданке – не такая малина. Тюрьмы забиты двумя «неблагополучными» категориями: марокканцы и русские (большой процент кавказцев). Вообще, время «интеллигентной», или «идейной» алии давно прошло, сегодня (уже лет десять) едет «Рассея», причем окраинная. Со всеми вытекающими: кодлы, наркотики, дедовщина, поножовщина... Не то, что этого тут не было, но свой количественный и качественный взнос в преступность и социальную неустроенность «русские» (в кавычках и без оных) безусловно внесли.

А вообще обстановка предвоенная, все это понимают, но воспринимают с равнодушием истинных фаталистов. В Рабочей партии хаос. Из-за этого никак не сформируют правительство, Шарон не спешит, мне кажется, что ему нравится быть в тени. С американцами только Биби держал себя с достоинством, остальные, и Шарон в том числе, выглядят крестьянами на балу (бывшие кибуцники): застенчиво переминаются с ноги на ногу, не знают куда девать руки, смущенно, а то и заискивающе улыбаются.

Всегда твой

Наум

28.2. Жена совсем замоталась, решила не пойти на работу, «поедем с утра к морю, погуляем, да?». Утром, воспользовавшись, что ей лень было вставать, пошел погулять с собакой и позвонил Л. Значит сегодня не получится, завтра у нее дела с мамой, может во второй половине дня, ненадолго, а нет, так во вторник... «А чего в воскресенье, ты ж в воскресенье не работаешь?» Конечно, я не сказал, что в воскресенье я с Р, сослался на проверки. Перешли на «сердечные дела», у нее, оказывается, тоже это было, тахикардия, «ну ты ведь знаешь, почему это случилось? Перетрудился, да. Это тебе первый звоночек». Ну, а потом «целую» и все такое. Нет, мне хочется ее обнять, она близка мне, ближе некуда...

А домой пришел, стал воровато прятать мобильник и записную книжку. Жена готовит щи, потом поедем «в город», может в кино, может к морю. Позвонил в Москву Мише.

– Да, Наум, я тебе звонил. Во-первых, потому что очень грустно было. А во-вторых, проверял новый код... Так плохо, что даже забыл, как твою маму зовут... Нет, почти не выхожу из дома, только с собакой и купить поесть... сгорели книги, которые собирал всю жизнь, пластинки, рукописи, только сейчас постепенно доходит... вступил в ассоциацию литераторов Михайловской, как Союз писателей, туда Ваня хотел вступить, но его не взяли, а Сашу Макарова взяли...

– Да, вот Саша пишет мало, зато человек светский...

– Да, вот именно, это Стелла наверное заставляет его, пить и все такое, продвигаться по лестнице...

– Ну, это такая тусовочная лестница.

– Не только, вообще.

Рассказал ему о сердце.

– А на какой почве, Наум?

– Да все на той же, на датской, – отшучиваюсь.

– Ну ты соберись, напиши все-таки.

И я тоже что-то загрустил после разговора, взял гитару, замурлыкал «Печально я гляжу на наше поколение...», половину забыл, достал красного Лермонтова, спел всю «Думу», сдерживая спазматические слезы, а в конце не сдержался, прорвался. Вот кто слова находил...

«Толпой угрюмою и скоро позабытой... потомок оскорбит... насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом...» Каждое слово – гвоздь. А слезы – от ужаса и восторга...

Погуляли с женой по магазинам. В мебельном на Ибн Габироль jovialный мужичок (черная рубашка в белый горошек), уговаривал купить шкафчик. Такие любят с моей женой разводить тары-бары.

– Мне уже семьдесят!

– Ну, вы прекрасно выглядите.

– Так я прекрасно живу!

– А что это значит «прекрасно живете»?

– Хорошо одеваюсь, хорошо ем, и много секса!

– Аа.

– И учтите, если ваш муж не может, вы сами виноваты.

4.3. Перечитываю Вайнингера. И его допекли евреи. Только непонятно, почему христианство – альтернатива? А Ницше? Почему мимо него прошел?

Чтобы «видеть», надо ненавидеть.

Утром теракт в Натанье. Уже сыпятся, как град.

Позвонил Л. Нет, не получится сегодня, сослался на медицину.

В среду ездили с ней в «Шореш». По дороге почувствовал себя неважно. У Латруна посидели, воды попил. Отошел. Все-таки поехал. На мужской подвиг. Хорошо прошло, сладко. На следующий день вытащила меня в Музей, на ту же коллекцию Артуро Шварца. Посидели в «Джакометти», дернули по бокальчику, языки чуток развязались... Невольно понес про Р. Тема ей не понравилась. Обозвала ее «нимфоманкой». А хучь и нимфоманка. «Да, – сказала в конце, – весело живете».

А потом позвонила Р.

– Очень хотелось тебя услышать, но ты, как всегда, не догадался.

Поехали с Р в отель. Просто больше некуда.

– Я почему-то думала, что ты вообще не приедешь.

Когда пошел на второй заход, жена позвонила – проклятье сотовых телефонов. Отвечать не стал, но все равно все «упало». Пошли, говорю, погуляем вдоль моря. Дул сильный ветер. Зашли в кафе на берегу, неудачное, ушли. Вообще все было как-то неудачно, неловко, плохое

выходило свидание. Набрели на китайский ресторан. Зашли. Так себе ресторан, ложки грязные. Но бокальчик и тут подействовал.

– Помнишь, я тебе говорила, что миллион заработаю? Так вот десять процентов уже есть. Часть разлетелось, часть закрыла.

– Каким же образом?

– Не скажу (хитро улыбается).

– Неужто телом?

– Да кому я уже нужна.

– Ну, нет такой книги, которая не нашла бы своего читателя.

– Я любительница, а не профессионалка. Неужели ты думаешь, что я на это способна? (Пожимаю плечами.) А ты бы себя продал? Свое тело? (Пожимаю плечами.) А где клиентов взять? На панели?

– Ну, клиентов я тебе сколько хочешь найду.

– Какой процент возьмешь?

Помолчали.

– Скажи, я тебя хоть раз обижала?

– Нет.

– А почему ты меня обижаешь? И не раз. Ты злой. И вообще... Я больше с тобой в гостиницу не пойду.

– Ладно, будем в музеи ходить.

– Знаешь, все-таки в тебе есть что-то кондовое. Кондовый ты.

Заели это дело китайским говном. Вернулись к теме миллиона.

– Да просто я Мики предложила один способ..., ну, суть в укрывании от налогов. У меня давно была эта мысль. Я ее еще зятю предложила, но он не понял. Сама? Для этого деньги нужны, да и не хочу, грязное дело. И возни много, бумаги, куча бумаг.

– Ну что ж, молодец. Не многие могут предложить идею, которая приносит деньги, молодец.

– Знаю, что я молодец. Только поздно приехала.

Наум, привет!

Твоя схема происхождения христианства вполне приемлема. Рассмотреть ее более подробно сейчас не могу, в последнее время не удается даже читать: жизнь так подорожала, что я только и успеваю «зарабатывать деньги», притом, что никаких денег не вижу, и даже стиральная машина остается недостижимой мечтой. Если же поставить вопрос иначе: что я хотел бы почитать и над чем подумать, то я сказал бы, что о первых ответвлениях гуссерлианства. Прежде всего Мерло-Понти («Феноменология восприятия») и Сартр («Воображаемое», «Бытие и ничто»). То, как они трактуют «интенциональность», очень похоже на мою «установку на Рампу», при этом степень логической проработки местами восхитительная (особенно у Мерло-Понти, упомянутая книга которого представляется мне – по крайней мере, сейчас – настоящей «классикой XX века»).

Всегда твой

Матвей

P.S. Заезжал вчера к Мише, зрелище безотрадное. Больше всего жалуется на одиночество: никто не звонит, никому не нужен. Так что если бы ты ему позванивал, то сделал бы доброе дело.

Матвей, привет!

Мише я позвоню, тем более, что завтра у меня деньрождение...

Что касается «философии», то поскольку я (человек темный) не вижу никакой связи между «интенциональностью» (как я ее понял нагло-бегло полистав Гуссерля) и «установкой на Рампу» (которую, как мне казалось, я понял), «поддержать разговор» на эту тему пока не могу.

Перечитывал тут Вайнингера в связи со своей «Морфологией цивилизаций». Антисемит, конечно, отчаянный, хотя и меня тут такое зло иногда берет, что еще и не то запоешь... Теракты зачастили, как град, а граждан призывают к сдержанности.

Правительство еще не сформировано, может, на неделе сподобятся, но вряд ли оно что-то «сделает», потому что все говорят: «а что можно сделать?»

5.3.2001. Наум, привет!

Поздравляю с днем рождения. Позволь пожелать тебе здоровья (конкретно, чтобы «дела сердечные» остались случайным эпизодом), творческих успехов, как на художественной, так и на «культурологической» ниве. А также чтобы тебя радовали близкие – в частности, чтобы все утряслось с «младшеньким».

Сейчас у меня Миша, мы с ним чуть ли не весь день вместе разносили газеты («для компании»); так он добавляет:

Первое, поздравь и Марию Наумовну тоже, т.к. она тебя родила. Второе. Дай бог, чтобы твои опасения по поводу судьбы Израиля оказались напрасными. Надеюсь, что с сердцем будет все в порядке.

Матвей, Миша

6.3. Гулял утром с собакой и мучался: надо позвонить Л, поскольку вечером мы идем с ней в «Гешер», на «Сатана в Москве», но она, конечно, захочет встретиться и утром, а я не хочу. И надоело делать то, что не хочешь. Вот чем Р хороша: будет ей больно, или не будет (да не будет, не тешь себя), но она без меня обойдется. И поэтому она меня не тяготит. Если и «виснет», то только по телефону («Ну подожди! Скажи мне еще что-нибудь!»). И из постели не выгонишь. Вспомнил наше последнее отравленное свидание, загрустил, позвонил. Записал на автоответчик: хотел поговорить, скучаю, целую. Потом позвонил Л.

– Ну, как проверка?

Эдак с иронией. Знает ведь, что вру, знает по дневникам, что по воскресеньям у меня свиданка...

– Вроде ничего не нашли, все будет ясно в четверг, после кардиолога. Так во сколько там начало?

– В восемь тридцать.

– Так давай часов в шесть встретимся? Можем по Яффо погулять.

– А мы разве утром не встретимся? Ненадолго.

– Ну, ненадолго нет смысла...

– Ты успеешь вернуться.

– К пяти? А потом снова бежать? Нет (о, как я тверд и решителен!), давай вечером.

– Ладно...

Почти с вызовом. После паузы нашла блестящий маневр:

– Я вообще-то хотела в музей Гутмана зайти, там сейчас выставка Гутмана и Рубина...

– В Неве-Цедек?

– Ага.

– Смотри, если на пару часов...

– Да, ненадолго.

В музее я распалился. Не могу сказать, что Гутман зажег. Пошли в гостиницу на берегу. Жадно сцепились. Когда лежал в расслабоне, обратил внимание, что она украдкой косится

на Него. Как-то, показалось мне, с удивлением, будто Он вырос. Приободренный вогнал еще порцию, сзади. Чувствовал себя тараном, пробивающим крепостные ворота, могуче прошло.

– Сердце не болит?

А сама задыхается.

– Вроде нет.

Повесила мне какую-то гайку на грудь.

– Ты чего?!

– Биополе смотрю.

– Ну ты даешь.

Убрала гайку.

– Нет у тебя ничего.

– Нет, так нет, я не против.

«Сатан бе Москва»⁷ сделали добротню, визуально эффектно, и музыка ничего, и даже пели прилично, но смотреть было неинтересно. Иллюстрация. Потом в кафешке у театра выпили по стаканчику сухого красного, день рождения как ни как. Подарила 21-ый концерт Моцарта.

7.3. Звонил Мише в Москву. Голос бодрый. Принялся, как всегда, анализировать мои «сердечные дела».

– Мне кажется это у тебя на фоне того, что ты все время думаешь о том, как бы успеть, пока не умер, что-то такое сделать, чтобы остаться. Учти, это многих погубило.

– Тщеславие приводит к тахикардии. По-моему, это открытие в медицине.

– Может, есть и другие причины... Ну что, моложе мы не становимся, надо заставлять себя отказываться от некоторых вещей. Я себя приучаю отказываться от многого, ну, конечно, это из-за болезни, просто ради выживания...

– Понимаешь, в том-то и дело, что когда ты добровольно отказываешься от чего-то, то как бы признаешь, что стареешь, это добровольный уход, я так не хочу. Одно дело, когда вынужден отказаться, а другое дело добровольно...

– Да, понимаю...

8.3. Кардиолог не утешил. Видимо, ишемия. Назначил серию проверок.

Звонил Вадиму в Москву. Пусть поздравит меня за мой счет. Он разошелся с Наташей. «Тяжело, конечно, когда распадается союз двух поэтов... Нашла какого-то полковника ФСБ, нашего возраста... нет, она молодец, с четырьмя детьми, да...»

9.3

Утром в поликлинике нацепили «хольтер», монитор на сутки. Потом встретились с Л и поехали в Яффо – не до секса. Прогулялись, посидели «У Дани». Выпили, поржали. Обзывала Р старухой Изергиль. Сегодня ночью улетает.

13.3

Матвей, привет!

Я тут отдал в «Зеркало» свою старую повестушку о визите в Москву в 91-ом. И они взяли. Фактически это часть Хроник, которую я по разным причинам не включил (кстати, читал ли ты дневники Кузмина?), в том числе из-за разности стилей, это совсем уж «теле-

⁷ Пьеса «Сатана в Москве» по роману «Мастер и Маргарита» Булгакова

графный» дневник. Часть персонажей тут начинают свой путь, как всегда под собственными именами, и ты в том числе. Надеюсь, что, как и в случае с книгой, это не встретит возражений с твоей стороны. Фамилия твоя нигде не указана, так что имя может быть любым, но для «публики» оно все равно анонимно, а для «своих», хоть Васей назови – все равно узнают. Я бы предпочел не менять имя (я уже как-то объяснял тебе, что психологически мне это очень важно, что я пишу о живых людях, а не о «персонажах»), но и не могу не спросить твое мнение. Ты уж прости, что опять впутываю тебя в «историю».

И для полноты картины – о философии. Прочитал недавно у Бубера («Проблема человека», кстати, чудовищный перевод), что у Хайдеггера «Освобожденное Я не поворачивается к миру спиной.., но его „решимость существования“ не содержит веры, что в этом бытии с миром могут быть прорваны границы Я, и не содержит даже желания того, чтобы это произошло. Существование завершается в Я-бытии. ... Я Хайдеггера является закрытой системой.» И в отличие от человека Киркегора, который «стоит в своей заботе и в своем страхе „один перед Богом“, человек Хайдеггера стоит в своей заботе и в своем страхе ни перед чем более, как перед самим собой, а поскольку в последней реальности невозможно стоять перед собой (как считает еврей Бубер), то он... стоит перед ничем». И если учесть, что для самого Бубера «отдельный человек не несет в себе сущности человека, сущность человека содержится в единстве человека с человеком» (он утверждает, что эту мысль, из которой пошла вся его философия «Я и ТЫ», он подчеркнул у Фейербаха), то эта «картина философских нравов» хорошо вписывается в мою теорию о героическом начале, то есть крайнем индивидуализме германцев и «любовно-коллективном начале» еврейцев, если, конечно, Бубер правильно понял Хайдеггера.

Всегда твой

Наум

Наум, привет!

Возражений против «фигурирования» не имею на прежних условиях – чтобы не упоминалась фамилия.

Относительно Хайдеггера Бубер, насколько я могу судить, излагает правильно в том смысле, что трансцендентного Бога для Хайдеггера не существует. Но следует ли из этого, что «германцы – крайние индивидуалисты»? В этом я сомневаюсь. Во всяком случае, Хайдеггер если и индивидуалист, то безличный, почвенный. Вообще категории типа «индивидуализм», «героизм» и т. п. не имеют абсолютного значения, а приобретают тот или иной смысл в зависимости от той целостной «терминологической констелляции», в которую они входят.

Касательно Вадима, Данилы и других, кому я передавал книги, я с ними толком не знаком и сказать мне о них нечего. С Вадимом я ранее виделся, но он этого не помнит. По отношению к Мише все эти «друзья» повели себя по-свински: ни один человек – даже Ваня Ахметьев, на которого Миша почему-то особенно надеялся – не приехал к нему, не выразил сочувствия, не дал ни копейки денег.

Всегда твой

Матвей

14.3

6.3. Privet Nyoma

happy birthday to you!!!! 54!

pozdravlyayu s opozdaniyem na den, tk vchera vse komputery byli zakryty v svyazi so snegopadom

a ty mozhesh pozdravit menya (ha-ha-ha) s opozdaniyem na 11 mesyatsev

illyustratsiya k moim stenaniyam o vseobshchem zabvenii...

zis

Извини, что сразу не ответил, только сейчас включил «машину». Спасибо за поздравления

Нема.

От Л:

Что показал монитор? А ослика беленького помнишь, который хамор? А хомер это знание, поэтому на нем мессия и едет, на знаниях...

Что показал не знаю, результат послали врачу. А где ты эту кабалистику про осла вычитала? Вообще-то это серьезная фигура, многие считали, евреи в Храме поклонялись ослу.

15.3. Жена третий день на больничном. Гуляли утром по парку с собакой. «У Яэль дочка, полтора года, такая прелесть, булочка с курносый носиком, Яэль ее на Пурим нарядила в корову, я говорю: ну что она понимает, полтора года, она говорит: «ма ат омерет⁸, она целый день ходила и говорила «муу»».

Как всегда восхищалась цветами.

– Если бы я умела рисовать, я бы нарисовала поле зайнов⁹ и цветы вокруг.

– Почему?

– Такое же совершенство природы, как цветы. Ты бы, конечно, нарисовал другое поле. У каждого свое поле.

Одна клумба была плотно засажена «анютиными глазками».

– Посмотри, как здорово!

– Ага. На поле черепов похоже.

– А, из-за этих трех точек...

– Ага.

– Но я бы никогда так не подумала...

Было время, когда я фотографировал раны на деревьях: когда стволы спиливают, остаются такие раны, потом они затягиваются корой и становятся похожи на женские щели. Думал даже выставку организовать...

Поехали с Р. в Иерусалим, в Музей, взглянуть на выставленный шедевр «Святой Петр перед казнью» Рембрандта. Когда от картины взгляд отведешь и посмотришь на соседние, разница поражает: здесь, в этом темном окне с мерцающим в углу светом, жизнь, а вокруг – мертвячина при ярком свете. Прошлись по залам. Неплохая для наших палестин коллекция импрессионистов. В музее почти никого. Целовались. Потом поехали в Латрун, зашли в «Асу»: арабские салаты, разносолы, мясо отменное, бутылка красного... На это раз не привередничала, все понравилось, и мясо, и вино. Разболтались. Рассказал, что Л приезжала, подивился нашему умению «переключаться». Сказал, что иногда устаю от этого. Потому что не знаю, с кем я настоящий.

– Может быть со всеми?

– Может быть.

– Ты с ней спал?

– Спал.

⁸ «о чем ты говоришь» (ивр.)

⁹ Зайн – член (ивр.)

– Правильно. Хорошо было?

– Ничего.

– Прекрасно.

– А ты чуть-чуть ревнуешь?

– Не знаю. Нет. Но когда она в тот раз приезжала, и мы недели две не виделись, я, помню, в черный загул ударилась. Такое вытворяла... Можешь считать, что из ревности.

Через некоторое время, уже в деревне, вернулись к теме ревности и свободы. Зашла речь о том, что глупо в чужие дела вмешиваться. Тут напомнил, в укор ей, как сказала мне: «Хочешь, я порву с Мики?».

– Ну, тогда... У меня отношение к тебе с тех пор... нивелировалось...

– Фу, противное слово...

– Нет, ты мне очень дорог, и совсем родной, и я от тебя без ума, но тогда ты был для меня всем, весь свет. А теперь, как ты говоришь, только сектор...

16.3. От Л:

про осла написано в «Зоар». Будешь слушать Моцарта – 21 концерт, обрати внимание на анданте (5) часть v. c.d. и как эта тема разворачивается, повторяется.

То что стоит, то – остановилось, а всякая остановка – падение в далекое прошлое.

А когда идешь к врачу?

Сегодня сделал ЭКО¹⁰, врач сказал: «Фантасти!» Окончательный итог через неделю.

А к чему это ты насчет «стоит»? Повнимательней со словом, как учили советских спортивных комментаторов, пытаюсь отучить от любимых выражений: «Игра шла очко в очко», или: «Он овладел мячом...»

17.3

Когда в себя всматриваешься и не видишь ни острова Я, ни крепости Эго, одну суету уличную, мельтешение, понимаешь, что ты ничто. Сумма хаотических состояний на данный момент. Воистину соотношение неопределенностей. Хорошее название для какой-нибудь повестушки...

Ранк (в «Мифе о рождении героя») пишет: «родители – первые и самые сильные противники героя». Миф о герое начинается с «оставленности», будущий герой оставляется родителями на произвол судьбы.

Становление героя – семейный роман, суть которого бунт героя против отца. Ранк считает такой миф «параноидальной структурой».

Бунт против отца символизирует бунт индивидуации, отец – воплощение рода.

А меня никто не оставлял на произвол судьбы, а стычки с отцом... иногда были, но на бытовой почве, никаких восстаний, и знаю, что он любил меня. Может потому и героя из меня не вышло. И черт с ним, с героизмом, любовь отца дороже.

От Л: *я же сказала, еще в Шореше, что вылечила тебя – теперь владей махом. Конечно же «фантасти». А насчет «стоит» – это цитата из дневника Белого*

А ты хотел послать мне Московский дневник, забыл?

18.3. Матвею:

¹⁰ В России это называется «УЗИ», эхокардиоскопия

Я понимаю, что сегодня, после опыта недавней тоталитаристской стадности, немцев не принято считать «индивидуалистами», но я говорю о «германцах» и тут всё в рамках той схемы, которую я нарисовал в «Героизме и монотеизме». Попробую добавить к ней еще несколько штрихов (с духе Фрейда).

Кочевники-скотоводы Ближнего Востока (типа Авраама) были главами кланов и окружены женщинами. Они не знали мужских охотничьих и военных братств, в которых развивается совершенно другой эпос и эрос. Стремление поддержать авторитет отца-главы клана ведет скотоводов к монотеизму, к обожествлению Отца. Это обожествление Отца направлено прежде всего против сыновей, предупреждая их неизбежный бунт. В соответствующей культуре (иудаизм) «сыновья» «закрепощаются» за Отцом, лишаются права и возможности на бунт, на индивидуацию, на разрыв с родом, на самостояние, даже на самость. Женщины в такой культуре играют ничтожную роль, так как в быту их много и они легко заменяемы, а об обожествлении их не может быть и речи. «Эдипов комплекс» в таких обществах подавляется «религией Отца». И бунт против отца, это проявление эго, это бунт против рабской зависимости, в котором и сексуальная составляющая является формой общего стремления к освобождению и самостоятельности.

Охотники, выходя на охоту, как на войну, и на войну, как на охоту, объединяются в воинские мужские братства, в которых невольно поддерживается сильная сексуальная напряженность. Война и наслаждение от убийства заменяет наслаждение от любви, формируется другой психологический тип, который закрепляется в культуре «героизма». Женщина в такой культуре не присутствует в жизни постоянно, а является «отдыхом» и инструментом продолжения рода, ее бытовой статус гораздо выше, чем у пастухов, кроме того, в силу сексуальной напряженности в воинских братствах, женщина обожествляется. Поэтому в «героических» культурах так много женщин-богинь.

Воины-охотники, выходя на охоту, или на войну, освобождаются от авторитета отца, на войне другие приоритеты и авторитеты, и даже если отец – вождь, ему подчиняются, но он – первый среди равных, ибо все равным образом владеют оружием и рискуют жизнью. Поэтому воинские, или «героические» культуры – индивидуалистические. Герой-воин всегда покидает родовое гнездо, чтобы стать свободным, стать самим собой. Экспансия и завоевательные походы важны, как бунт против уз рода, как освобождение и самоутверждение.

Иудаизму тоже свойственна экспансия, но это экспансия «женская», она завоевывает не подчиняя, а «связывая». Поэтому «капитал» оказался для евреев подходящей формой экспансии. «Денежные потоки», это ток крови современной жизни, которая вся стала «экономической», и все в этой жизни «кровно» повязаны через капитал. Кто им владеет, тот владеет кровеносной системой современной жизни. И не случайно «капитал», «капитализм» антисемиты считали «еврейской затеей».

Антисемитизм (лучше – борьба с еврейством) – бессильная форма борьбы за другие «начала цивилизации», последнее трепыхание мужской, «героической» цивилизации.

Первая ходка, упоительно долго.

Потом отдыхал, раскинувшись, а она, склонившись, смотрела на Него и вела те же речи – почти ритуал.

– А знаешь, во мне еще все шевелится. Складывается, расправляется... Ты знаешь... ты... он прям касается самого нужного... ну откуда он знает... Мне так хорошо... Но почему-то такое чувство, что я вижу тебя в последний раз...

– Вдруг, после второго круга:

– А сколько раз ты с ней спал?

– Два раза.

– А вообще, сколько раз встречались?

- Вообще... четыре.
- А куда вы ходили?
- В театре были, на «Мастере»... нет, она тоже решила уйти. Не то, что не понравилось... Еще в Неве Цедек ходили, в дом Гутмана, она хотела посмотреть выставку Гутмана и Рубина... Где еще? В Яффо были.
- Значит пять раз, два раза переспал и три раза...
- Ну, погулять и переспать можно в одну встречу...
- Не важно. Вообще-то ты должен был мне сказать. Я бы дала тебе отпуск. А встречаться с двумя одновременно...
- Ого! Неужто ревнуешь?!
- Не знаю, если ты считаешь это ревностью. Но теперь я тоже должна пять раз, а уж за мной не пропадет.
- Почему пять?
- Ну ты же пять раз с ней встречался.
- Встречался только четыре.
- Нет, все равно, два раза переспал и три раза гулял. Ты чего сияешь, как медный таз?
- А мне нравятся твои подсчеты.
- Я вас избаловала. Своей верностью. Пора потрянуть стариной. У меня есть пара приятелей, которые давно уже добиваются, надо их трахнуть. Это на первых порах, а там посмотрим.
- Ну-ну, эк тебя разобрало.
- Не, ну это нарушение неписаных правил. Если она приезжает, ты должен мне сказать. Получил бы свой отпуск. Я бы тоже нашла, что делать. ... Я, когда пришла в школу, была самой молодой, всем было около сорока, и они мне казались старухами, ой, сейчас вспоминаешь этих училок с их проблемами, одна недоебанная, другая переобанная... там была одна историчка, мужа ее звали Павел, она его звала «Палюсинька», «мой Палюсинька», так она каждые три месяца абортировалась, а у нас была такая учительница литературы, она была невероятно некрасивая, какая-то каракатица, тем ни менее сменила трех мужей, что в ней действительно было, это – голос, удивительно сексуальный, и вообще, как она говорила! я к ней на уроки ходила слушать, потрясающе рассказывала, и вообще умница была, так она ей говорит: «Ты скажи своему Палюсиньке, чтобы он на хуй презервативчик надевал». А та: «Ой, Палюсинька презервативы очень не любит...»
- Дал себе зарок по третьему кругу не ходить, но как-то невольно получилось... И потом уже подумал, что третий – лишний... И действительно, когда она одевалась, вдруг прочувствовал (или вдруг испугался?), что что-то не то, ушло это чудесное ощущение, что я здоров. Прилег.
- Ты чего? Тебе плохо?
- Не, нормально.
- Правда, тебе плохо?
- Да нет, все нормально, просто...
- Ну что? Что с тобой?
- Нормально, нормально. Так...
- В машине, по дороге обратно:
- Какой ты геротене¹¹.
- Ага. От слова геронтология.
- Расхохоталась.
- Ну, ты сегодня в ударе по части юмора. И вообще. (Прижалась к плечу.)

¹¹ Растяпа, беспомощный, как ребенок (идиш)

Ночью чувствовал себя не в своей тарелке. А Он еще требовал! Приапизм какой-то! Тут же вспомнил, что перед смертью, говорят, встает. Спал плохо. Все время мерил давление. Утром вроде полегчало, решил поехать на работу. А еще хамсин. Приехал, и чувствую – не могу, что-то не то. Слышу сердце. То екнет, то чихнет, то свиснет, то стукнет глухо. Говорю секретарше: что-то мне не того-с. Засуетились, молоденькая, плотненькая замдиректора (бежит через две ступени), Веред, то бишь «Роза», отвезла меня в местную поликлинику, сделали экг, врач, русская (ничего так, полюбезничали), говорит у вас был инфаркт (вот те на), но когда-то раньше (я ей старую экг показал), но сейчас вроде ничего нет. Жажда? Может у вас сахар? Послала сделать анализ на сахар. Лаборантка, хорошенькая (всех бы выебал к чертовой матери!), сказала, что сахар чуть выше нормы, а вы утром ели? Да, как всегда, много варенья. Аа, ну это норма после поста... Вернулся к врачу, сказал, что рад был познакомиться, ничего, ничего врачаха, и отчалил, а вокруг уже трезвон, и жена звонит, и секретарша директора, выслали за мной такси, возвращаюсь, решил дать урок. Страх. Но все же вошел в клетку с тиграми. Тигры были очень ласковы, терлись шкуркой, наперебой бежали водички принести, кое-как провел урок, но решил, что еще два – это лишне. Дал отбой. До дому доехал благополучно, позвонил в этот народный университет, сообщил, как обещал, что добрался. Веред подняла трубку. Спасибо, говорю, что подвезла, и т. д. А я, говорит, могу тебя и в любое другое место подвезти. Шутить со мной вздумала. Ладно, говорю, недабер ал зе¹².

Письмо от Вадика, толстое. Раскрыл, а там маленький сборничек, почти без обложки, то есть обложка бумажная. «Грозная свобода» называется. 1997 год. Посвящение дочери. Надпись: «С любовью и нежностью вам обоим, моим любимым людям. Вадим. На другой стороне: «Письмо написано ужасно (и почерк и м.б. содержание). Зато искренне!» Полистал книжку.

Держи меня природа на весу,
то поднимай, то опускай, как блюдце...
Бывала горечь – думал не снесу,
и счастье тоже... Вот бы им вернуться!

Глаза любимых – ах, какая синь!
Твержу себе от порчи и от сглаза —
пролейся сердце, только не остынь,
для новой жизни следующего раза.

Последняя строка даже выпадает из размера, забыл, что есть «ю» в слове «следующего», и это первое стихотворение, открывает сборник... Всё ужасно. Тот же лубок: «купчихи» в «Замоскворечьи», «степные дальние отары», «пожары», «яростные лица», «сверкают стрелы поражая»... «Сегодня Родина мне снится...», «кони топчут путь-дорогу», храмы-погосты, театральный реквизит «Востока» («На Востоке в город басурманский входят с караванами купцы»)...

Дорогой Наум!

С необычайной нежностью я думаю о тебе. Прочел, вернее, просмотрел (чтение еще впереди) твою книгу. Что ж! – Это роман. Не всегда бывшее в жизни переходит в него. Есть фабула, есть взгляд автора. Здесь автор – царь и бог. Он вправе несколько нарушать течение событий. Но считаю – маленькие главки под именем «Вадим», как бы они ни были ничтожны в контексте романа – твоя удача. Они очень и очень оживляют его. Твое раздражение пони-

¹² Мы это обсудим (ивр.)

маю и даже – одобряю. Не ангел я, увы. Многие люди, близкие мне, раздражаются и даже гnevаются на меня. Но ты не гневайся! Ты просто не имеешь права. Ты любишь меня, как я люблю тебя и от этого никуда нам не деться.

Ты об мне одном сказал как о поэте, с цитированием и т. д. (Еще, правда, о Наташе) То, что я всегда у тебя говорю дурацкое слово «прям», что я всегда ... – прости меня, Христа ради! Такой я был тогда. Без денег, без всего...

Твои нежные воспоминания о Риге, о Пицунде, о Пскове, Клухорском перевале и многом другом сказали мне – что связь между нами неразрывная, и они самые лиричные у тебя. Пере- читай и увидишь.

С любовью и уважением

Вадим

Оставляю так, как было написано.

Все-таки Володя – не аристократ, а я не деревеничина. Все было иначе.

И еще приписка жене. Еще более сумбурным почерком.

Для Риммы!

Я расстался с Наташей. «Любовная лодка разбилась о быт...» (московский!)

Я думаю, что она все делает ради детей. Ее будущий муж – полковник ФСБ (КГБ).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.